

Клейменов А.А. Варварское и эллинское в македонском военном деле эпохи Филиппа II и Александра Македонского

// Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 220 – 231.

Выдающийся французский историк М. Блок определил в качестве предмета исторической науки «в точном и последнем смысле этого слова» человеческое сознание¹. С этим трудно поспорить. Во второй половине XX века историко-антропологический подход стал широко использоваться при характеристике исторических процессов и явлений различного рода. Весьма перспективным является его применение при изучении военной истории древности, однако число исследований в этом направлении невелико².

Как представляется, ключевым понятием, позволяющим определить влияние человеческого сознания на внешние проявления военного дела, является «военный менталитет». Этот термин включает в себя весь комплекс свойственных для представителей конкретного общества мыслительных, поведенческих и моральных установок, связанных с войной как с особой сферой человеческой деятельности³.

В современной литературе, начиная с В.Д. Хэнсона, основоположника целого научного направления, отмечается, что характерной чертой древнегреческого военного менталитета являлась нацеленность на быстрый и полный разгром противника в одном [220] открытом полевым сражении между фалангами гоплитов⁴. Это было напрямую связано с особенностями полисной государственной системы, при которой армия изначально комплектовалась из граждан-ополченцев. Война между полисами была регламентирована целой системой обычаев и неписанных норм, приобретая вид агона – состязания граждан разных полисов в силе и

¹ Блок М. 1973, 83.

² Махлаюк А.В. 2006, 18 – 23.

³ Сенявская Е.С. 2000. С. 10 – 12.

⁴ Hanson V.D. 1989, XXVI; Hanson V.D. 1991, 6 – 7; Hanson V.D. 1999, 54 – 55; Lee J. W. 2008, 5 – 6; Dawson D. 1996, 51; Wees H. van. 2004, 134 – 135; Lonsdale D.J. 2007, 27.

храбрости⁵. Характерным свидетельством того, что в глазах греков результат открытого полевого сражения определял исход всей войны, является наличие у них обычая сооружать победный трофей (τρόπαιον) на том месте, где произошел перелом в битве и проигравшие обратились в бегство. Благодаря тому, что победители ставили трóπαιον, а потерпевшие поражение были вынуждены просить у них разрешения забрать тела павших, результаты битвы были четко определены и уцелевшие могли возвратиться к повседневному труду⁶. В ориентации греческой военной системы на быстрый и полный разгром противника в открытом полевым сражении силами граждан-пехотинцев В.Д. Хэнсон и исследователи, разделяющие его концепцию, видят истоки особого, наиболее прогрессивного западного подхода к ведению боевых действий (*Western Way of War*)⁷.

Конечно, эта схема является весьма упрощенной и не в полной мере отражает как региональные особенности развития военного дела, так и изменения в стратегии и тактике с течением времени, за что подвергается вполне обоснованной критике⁸. Греки классического периода четко различали два вида войн – «войну по правилам» и «войну без правил», не ограниченную какими-либо нормами и проводившуюся разнообразными методами, в том числе посредством засад и набегов⁹. По последнему сценарию велась Пелопонесская война. Однако, даже после того как военное противостояние с Персидской империей и Пелопонесская война внесли значительные изменения в стратегию и тактику, идеалистические представления о «честной» войне в виде открытого боя фаланг [221] гоплитов сохранились¹⁰. Применение тактических хитростей и обманных маневров часто считалось делом недостойным, близким по своим сути к воровству¹¹. Возможно, эти представления были связаны с ностальгическими настроениями, ро-

⁵ Gröschel S. 1989, 20 – 24.

⁶ Lee J.W. 2006, 485.

⁷ Hanson V.D. 1989, XXIII-XXIV; Hanson V.D. 1999, 206; Dawson D. 1996, 4 – 5.

⁸ Lynn J.A. 2003, 12 – 27; Wheeler E.L. 2007, 190.

⁹ Wheeler E.L. 2007, 190.

¹⁰ Wheeler E.L. 2007, 189.

¹¹ Lendon J. E. 2005, 86.

дившимися под впечатлением от суровых военных реалий V века до н.э.¹² В эллинском общественном сознании после войн с Ахеменидами на фоне общего противопоставления греков и «варваров» возникло мнение о том, что главной чертой греческого военного дела является ведение ближнего боя, этим мужественные и смелые эллины отличаются от трусливых варваров, которые ведут бой на дистанции, используя лошадей и прибегая к разного рода уловкам¹³.

Большое, если не ключевое значение для обоснования всей концепции об особом и наиболее прогрессивном западном подходе к ведению боевых действий имеет причисление македонских царей-завоевателей Филиппа II и Александра III к представителям именно этой военной традиции. Создатель македонской военной системы и его сын, завоеватель Азии, служат связующим звеном между военным искусством полисной Греции и более поздними военными системами западного мира. Так, В.Д. Хэнсон к ученикам Александра Великого причисляет Ганнибала, Наполеона и даже Адольфа Гитлера¹⁴. Определяется, что войны эпохи Филиппа, Александра и диадохов проводились в русле традиционного для греков классического периода подхода к ведению боевых действий. Полевое сражение с максимально полным уничтожением сил противника осталось ключевым пунктом в военном искусстве, только масштаб битв теперь стал больше, а армии – профессиональными¹⁵. Различия в области военного искусства объясняются тем, что внешнеполитические задачи, которые должны были решать Филипп и Александр, были шире, чем у греческих полисов¹⁶. Вместе с тем, анализ такой категории как военный менталитет позволяет усомниться в обоснованности этих выводов.

Можем ли мы считать древних македонян представителями эллинской цивилизации вообще и носителями греческого военного [222] менталитета в частности? Анализируя данные античной письменной традиции, современные исследователи приходят к выводу о том, что греки классической эпохи считали эллинами

¹² Krentz P. 2002, 25.

¹³ Lee J.W. 2006, 485.

¹⁴ Hanson V.D. 1999, 180.

¹⁵ Bugh G. R. 2006, 265; Hanson V.D.1999, 180.

¹⁶ Hanson V.D. 1999, 150.

только представителей царского дома Аргеадов, относя при этом их подданных к «варварам»¹⁷. Сами македоняне так же осознавали свое отличие от южных соседей и не идентифицировали себя с греками¹⁸. Вопрос о происхождении македонян породил бурную полемику среди историков и филологов, протекающую, в основном, в виде борьбы двух взаимоисключающих точек зрения, указывающих либо на северобалканские, либо на греческие корни этого древнего народа¹⁹. В последнее время, в связи с открытием ряда эпиграфических памятников, все увереннее звучит мнение о языковом родстве македонян и греков античной эпохи²⁰.

Между тем, наличие у двух этнических групп общих лингвистических корней еще не говорит об их принадлежности к одной цивилизации. Н. Хаммонд в своей работе 1972 года сделал вполне определенный вывод – лингвистический мост между македонянами и греками присутствовал, однако первые имели собственную культуру, собственные традиции, собственный путь развития²¹. Этот исследователь определяет македонян как особый сегмент грекоязычного мира, не знавший полисной организации, развитых товарно-денежных отношений, сохранивший институт монархии²². Именно в особенностях общественного развития Хаммонд видит причину причисления древних македонян, являвшихся греками по происхождению и языку, к «варварам»²³. Однако, вывод о наличии лингвистического моста между македонянами и эллинами сомнителен. Как отмечает Бэдиан, языковые различия были настолько сильны, что создавали заметный барьер, препятствуя коммуникации и служа эффективным средством распознавания чужеземцев²⁴. Возможно, ближе всех к истине те исследователи, которые настаивают на участии греческого, фракийского и иллирийского [223] компонентов в процессе этногенеза македонян²⁵. Это был полноценный самостоятельный древний

¹⁷ Hammond N.G.L. 1989, 19; Cartledge P. 2004, 33; Starr C.G. 1991, 260; Шофман А.С. 1960, 97.

¹⁸ Hammond N.G.L. 1972, 441.

¹⁹ См. Шофман А.С. 1960, 94 – 97.

²⁰ Hammond N.G.L. 1989, 12 – 15; Hammond N.G.L. 2003, 20; Thomas C.T. 2007, 34 – 35.

²¹ Hammond N.G.L. 1972, 441.

²² Hammond N.G.L. 1998, 11.

²³ Hammond N.G.L. 1975, 241; Hammond N.G.L. 2003, P. 21.

²⁴ Badian E. 1982. P. 33–51.

²⁵ Borza E.N. 1990, 96-97; Rossos A. 2008, P. 12; Шофман А.С. 1960, 105.

народ, политически, экономически и культурно развивавшийся в уникальных условиях, что отразилось, в том числе, и на облике военного дела.

По характеру своего общественного развития Македония дофилипповского времени больше походила на Иллирию, Фракию и Пеонию, чем на эллинский полис. Военные столкновения, в которых участвовали македоняне, никогда не принимали характер вооруженного противостояния двух городских гражданских общин, война носила иной, с точки зрения греков классического времени, варварский характер. Для Македонии было свойственно наличие постоянной военной опасности со стороны фракийцев и иллирийцев, часто устраивавших грабительские набеги²⁶. Эти походы иногда были весьма масштабными, так как в них могли участвовать не только дружины из воинов-профессионалов, но и многочисленные племенные ополчения²⁷. Умели балканские «варвары» использовать и ударные качества малочисленных отрядов горцев, особенно подходивших для боевых действий на пересеченной местности, в том числе и для ведения партизанской войны²⁸. Другой проблемой было наличие племенного сепаратизма, самым заметным проявлением которого была борьба линкестов с нижнемакедонскими царями²⁹.

Македонии нужна была постоянная военная сила для обеспечения обороны территории и проведения ответных нападений³⁰. Подобно вооруженным силам других варварских народов Балкан, македонское войско дофилипповской эпохи состояло из двух неравных частей – пешего племенного ополчения и конной дружины-гетайрии. Если первая часть армии была слабо подготовлена и редко призывалась на военную службу³¹, то для представителей знати война была основным занятием, принципиально иным явлением, чем для граждан эллинского полиса. Война не являлась какой-то особенной, экстремальной частью жизни, кровавым проявлением борьбы городских общин между собой, на время которой

²⁶ Hammond N.G.L. 1998, 11.

²⁷ Златковская Т.Д. 1971, 250-253; Webber C. 2001, 34-35.

²⁸ Данов Хр.М. 1969, 67.

²⁹ Шофман А.С. 1960, 113 – 114.

³⁰ Грейнджер Дж.Д. 2010, 22.

³¹ Шахермайр Ф. 1986, 14 – 15; Грейнджер Дж.Д. 2010, 23; Rhodes P.J. 2006, 297.

[224] землепашцы и ремесленники отрывались от повседневного труда. Для царей из династии Аргеадов и их гетайров война была если не единственным, то, во всяком случае, наиболее значимым видом деятельности. В этом они гораздо больше походили на балканских «варваров», чем на граждан эллинских полисов, что нашло отражение в особенностях погребального обряда. Для захоронений и македонских, и фракийских аристократов характерно наличие военного снаряжения, украшений и других ценных предметов личного пользования³². Необходимо отметить, что у балканских греков обычай захоронения предметов вооружения и драгоценностей исчез еще до начала классического периода³³. Конечно, можно отчасти согласиться с З. Арчибальд и объяснить этот нюанс наличием на севере Балканского полуострова сообществ, элита которых могла позволить себе похороны с богатым погребальным инвентарем. Вместе с тем, представляется неправильным вслед за указанным автором полностью отметить идею о том, что сохранение обычая «милитаризованных» захоронений во Фракии, Македонии и других северо-балканских регионах отражает иное, чем у греков, отношение к войне³⁴. Оружие, доспехи и предметы роскоши сопровождают погребения представителей военной знати, которые, по выражению Геродота, презирали земледельческий труд, ведя жизнь воинов и грабителей (Herod., V, 6).

Македонский стиль ведения войны, вероятно, мало чем отличался от фракийского или иллирийского. Во всяком случае, Фукидид описывает его как сугубо варварский. Так, по словам греческого историка, Брасид заявил, что варвары-македоняне не строятся в боевой порядок (τάξις) и не считают позором покидать под натиском врага порученные позиции. Как бегство, так и нападение у них считаются одинаково похвальными (Thuc., IV, 126, 3 – 6). Македонским царям и их соратникам не были свойственны греческие представления о том, что открытое полевое сражение является единственным достойным способом одержать победу. Судя по данным того же Фукидида, македоняне могли умело применять тактику

³² Archibald Z. 2010, 332.

³³ Morris I. 1992, 26 – 29.

³⁴ Archibald Z. 2010, 332 – 333.

малой войны, изматывая врага неожиданными конными налетами с последующим отступлением, как это было при вторжении громадного войска одрисского царя Ситалка в [225] Македонию в 429 году до н.э. (Thuc., II, 100, 5 – 6). Данная тактика вполне соответствовала военным традициям народов, населявших северную часть Балканского полуострова.

Формальным показателем того, что македоняне никогда не являлись носителями греческого военного менталитета, ориентированного на победу в открытом полевом сражении, является отсутствие у них обычая сооружать победный трофей (τρόπαιον). Павсаний доносит до нас легенду, объясняющую отсутствие у македонских царей этой традиции божественной волей, выразителем которой стал спустившийся с Олимпа лев. Он повалил трофей, воздвигнутый македонским царем Караном по аргосскому обычаю. Писатель отмечает, что ни сам Каран, ни последующие цари Македонии, в том числе и Александр, не ставили трофеев (Paus., IX, 40, 4). Очевидно, легенда возникла из-за имевшегося противоречия между македонскими военными обычаями и представлениями об эллинском происхождении Аргеадов, которые, казалось бы, должны были неукоснительно соблюдать греческие традиции. Обычай сооружать τρόπαιον у греков, как вполне аргументировано доказывает П. Крентц, возник в классическое время, когда утвердилось представление о войне как об агоне³⁵. Македоняне в это время были носителями принципиально иного, варварского военного менталитета, имевшего ряд сильных черт, к которым можно отнести постоянную готовность к ведению боевых действий и отсутствие формализма при выборе способов и средств ведения войны. При этом представители варварской военной традиции уступали носителям эллинской военной культуры в умении вести открытые полевые сражения.

Регент, а затем и полновластный царь Македонии Филипп в ходе своих знаменитых реформ превратил македонское войско в силу, не уступавшую греческим армиям в умении вести сражения в правильных боевых порядках. Если обратить внимание на данные античной письменной традиции, то создается впечатление,

³⁵ Krentz P. 2002, 32.

что во время своих военных преобразований Филипп уделял основное внимание тяжеловооруженной пехоте. Так, Диодор, описывая эти реформы, упоминает только создание фаланги, снабжение воинов оружием, маневры и постоянные тренировки (XVI, 3, 1–3). Полиэн, рассказывая о тренировках македонской армии при Филиппе, упоминает только пехотинцев-сариссоносцев (IV, 2, 10). В многочисленных [226] исследованиях отмечается, во время широкомасштабных полевых сражений новая македонская армия использовала тактические принципы, разработанные выдающимися греческими полководцами – Эпаминондом и Ификратом³⁶. Полезные достижения в области военного дела Филипп перенимал не только у эллинов. Как убедительно доказывает в своем диссертационном исследовании А.К. Нефедкин, на базе македонской традиции использования аристократической конницы была создана превосходная македонская кавалерия эпохи Филиппа и Александра, которую реформатор численно увеличил, перевооружил и обучил новым тактическим приемам, в том числе и заимствованным у балканских варваров³⁷. Нельзя утверждать, что Филипп просто скопировал греческую военную организацию и военное искусство. Он стремился посредством усвоения сильных сторон греческой тактики обеспечить эффективное решение традиционных для Аргеадов военно-политических задач. Для этого сын Аминты интегрировал тяжеловооруженную пехоту – новый для Македонии род войск – в традиционную дружину-гетайрию, обозначив бойцов из фаланги термином *πεζῆταιροι* и формально приравняв их тем самым по статусу к воинам-аристократам³⁸. Особенности варварской военной организации Македонии стали той основой, на которой возникла регулярная армия.

Изменился ли военный менталитет македонян в результате реформ настолько, что стал идентичен греческому? Отрицательный ответ очевиден.

И Филиппу, и его знаменитому сыну было чуждо восприятие войны как кратковременного кровопролития в рамках межполисной борьбы, главным актом

³⁶ Lee J.W. 2006, 503; Sekunda N. 2007, 329; Шофман А.С. 1960, 184.

³⁷ Нефедкин А.К. 2007, 58.

³⁸ Romm J. 2010, 343; Bosworth A.B. 2010, 98 – 99.

которой является открытое полевое сражение. Македонские полководцы были свободны от представлений о войне как о своеобразном агоне, протекающем по определенным правилам. О том, что «коварный варвар» Филипп не придерживался идеалистических греческих принципов «правильной» войны, красноречиво свидетельствует «Третья речь против Филиппа», принадлежащая перу Демосфена. Афинский оратор, описывая манеру Филиппа II вести войну, противопоставляет ей прежние «честные» войны. Он отмечает, что теперь большинство дел погубили предатели и ничего не решается [227] выступлениями на поле битвы или правильными сражениями. Филипп воюет не с помощью войска гоплитов, а использует легковооруженных, кавалерию, стрелков и наемников, не обращая внимания на время года (IX, 48 – 50).

Вообще, тенденция связывать военные успехи Филиппа II в первую очередь с хитростью, а не с доблестью, четко прослеживается в античной письменной традиции. В эпитафии, посвященной павшим в сражении при Херонее воинам и приписываемой Демосфену, отмечается, что враг победил не благодаря своей доблести (ἀρετή), навыкам или смелости командующего (LX, 21). Очевидно, это был способ оправдать поражение, указать, что противник одержал победу «нечестно»³⁹. Павсаний сообщает, что никто из македонских царей, живших до или после, не совершил более великих подвигов чем Филипп, но назвать его хорошим полководцем нельзя из-за нарушения клятв, договоров, несоблюдения данного слова (VIII, 7, 4). В схожем ключе Юстин, эпитоматор Помпея Трога, сообщает о битве между Филиппом II и войском скифского царя Атея: скифы превосходили и доблестью и числом (*virtute et numero*), но были побеждены хитростью Филиппа (*astu Philippi*) (Just., IX, 2, 14). Возможно, здесь римский писатель, как это было для него свойственно, использовал материал враждебной по отношению к деятельности Филиппа письменной традиции раннеэллинистического времени⁴⁰.

³⁹ Lendon J. E. 2005, 85.

⁴⁰ Каллистов Д.П. 1968, 214.

Приведем лишь несколько примеров того, как применение «варварского» подхода к ведению военных действий стало залогом успеха македонских полководцев.

Во-первых, и Филипп, и Александр умело использовали тактику внезапной ночной атаки. Для греческого военного дела ночная атака была явлением крайне редким⁴¹, зато являлась излюбленным приемом фракийцев⁴². Видимо, с помощью обманного маневра и внезапной ночной атаки Филипп сумел разбить десятитысячный корпус наемников в Гравийском горном проходе накануне битвы при Херонее⁴³. С помощью неожиданной ночной атаки [228] на вражеский лагерь Александр разгромил иллирийцев под Пелионом (Arr.Anab., I, 6, 9 – 11).

Во-вторых, и Филипп, и Александр использовали ту самую критикуемую Демосфеном тактику неожиданных атак, осуществляемых с помощью мобильных ударных групп, состоявших в основном из подразделений конницы и легковооруженной пехоты. С помощью этого приема Филипп сумел захватить Крениды⁴⁴. Широкое применение эта тактика нашла в ходе Восточного похода Александра. В частности, подобным образом были деблокированы Килликийские ворота (Arr.Anab., II, 4, 2 – 4), захвачен Тарс (Arr.Anab., II, 4, 6; Curt., III, 4, 14 – 15), подавлено сопротивление арабских племен в районе Антиливана (Arr. Anab., II, 20, 4-6; Curt., IV, 2, 18; 24 – 3, 1) и мятеж Сатибарзана в Арии (Arr. Anab., III, 25, 5 – 7; Curt., VI, 6, 21 – 22). Как представляется, появление этого приема в арсенале македонских полководцев было связано, прежде всего, с особенностями военного менталитета балканских варваров, характерной чертой которого было умение осуществлять внезапные набеги с помощью легковооруженной пехоты и конницы.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что, несмотря на заимствование передовых достижений греческого военного дела, македонский военный менталитет

⁴¹ Roisman J. 1993, 59.

⁴² Webber C. 2001, 42.

⁴³ Ashley J.R. 1998, 152; Ellis J.R. 1994, 781; Worthington J. 2008, 146; Грин П. 2005, С. 55.

⁴⁴ Griffith G.T. 1979, 246 – 250; Грейнджер Дж.Д. 2010, 64.

в эпоху Филиппа II и Александра III заметно отличался от эллинского. Это превращало македонских царей в «неудобных» противников для греческих военачальников. Македоняне, не уступая грекам в умении вести открытые полевые сражения, были способны принимать и воплощать в жизнь нетипичные для эллинского военного дела тактические и стратегические решения. Это значительно расширило боевые возможности армии, что и было с успехом продемонстрировано Александром в ходе Восточного похода. Иными словами, македонское военное искусство эпохи великих завоеваний следует рассматривать не столько как очередной этап развития греческого военного дела классической эпохи, а как гибрид двух изначально разных военных традиций. [229]

Литература:

- Блок М.* 1973: Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. Е.М. Лысенко. М.
- Грейнджер Дж.Д.* 2010: Империя Александра Македонского. Крушение великой державы. М.
- Грин П.* 2005: Александр Македонский. Царь четырех сторон света / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.
- Данов Хр.М.* 1969: Древняя Фракия: автореф. дисс,... докт. ист. наук. Л.
- Златковская Т.Д.* 1971: Возникновение государства у фракийцев. М.
- Каллистов Д.П.* 1968: Рабство в Северном Причерноморье V-III вв. до н.э. // Рабство на периферии античного мира. Л., 193 – 221.
- Махлаюк А.В.* 2006: Солдаты римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.
- Нефедкин А.К.* 2007: Конница эпохи эллинизма: дисс,... докт. ист. наук. Ставрополь.
- Сенявская Е.С.* 2000: Теоретические проблемы военной антропологии: историко-психологический аспект // Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков. Н. Новгород, 10 – 27.

Шахермайр Ф. 1986: Александр Македонский / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника и Б. Функа. М.

Шофман А.С. 1960: История античной Македонии. Ч. I. Казань.

Archibald Z. 2010: Macedonia and Thrace // A Companion to Ancient Macedonia / Edited by J.Roisman and I. Worthington. Oxford, 326 – 341.

Ashley J.R. 1998: The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC. Jefferson.

Badian E. 1982: Greeks and Macedonians // Studies in the History of Art, Vol. 10: Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times / Edited by B. Barr-Sharrar and E.N. Borza. Washington, P. 33 – 51.

Borza E.N. 1990: In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon. Princeton.

Bosworth A.B. 2010: The Argeads and the Phalanx // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / Edited by E. Carney and D. Ogden. Oxford, 91 – 102.

Bugh G. R. 2006: Hellenistic Military Developments // The Cambridge companion to the Hellenistic world. Cambridge, 265 – 294.

Cartledge P. 2004: Alexander the Great: The Hunt for a New Past. London.

Dawson D. 1996: The Origins of Western Warfare: Militarism and Morality in the Ancient World. Oxford.

Ellis J.R. 1994: Macedonian hegemony created // The Cambridge Ancient History. Vol. VI / Edited by D.M. Lewis, J. Boardman. Cambridge, 760 – 790.

Griffith G.T. 1979: The Reign of Philip the Second // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford, 201 – 646.

Hammond N.G.L. 1989: The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxford.

Hammond N.G.L. 1972: A History of Macedonia. Vol. I: Historical Geography and Prehistory. Oxford.

Hammond N.G.L. 1975: The Classical Age of Greece. London.

- Hammond N.G.L.* 1998: *The Genius of Alexander the Great*. London.
- Hammond N.G.L.* 2003: *The Language of the Macedonians // Alexander the Great: A Reader* / Edited by I. Worthington. London – New York, 20 – 22.
- Hanson V.D.* 1989: *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. New York.
- Hanson V.D.* 1991: *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*. London.
- Hanson V.D.* 1999: *The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture*. London.
- Krentz P.* 2002: *Fighting by the rules: the invention of the hoplite agon // Hesperia*. Vol. 71. 23 – 39.
- Lee J. W. A.* 2008: *Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis*. Cambridge.
- Lee J.W.* 2006: *Warfare in the Classical Age // A Companion to the Classical Greek World* / Edited by K. H. Kinzl. Oxford, 480 – 508.
- Lendon J. E.* 2005: *Soldiers and ghosts: a history of battle in classical antiquity*. New Haven – London.
- Lonsdale D.J.* 2007: *Alexander the Great: Lessons in strategy*. London – New York.
- Lynn J.A.* 2003: *Battle: A History of Combat and Culture*. Boulder.
- Morris I.* 1992: *Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Rhodes P.J.* 2006: *A History of the Classical Greek World, 478-323 BC*. Oxford.
- Roisman J.* 1993: *The general Demosthenes and his use of military surprise (Historia Einzelschriften №78)*. Stuttgart.
- Romm J.* 2010: *Alexander's Army and Military Leadership // The Landmark Arrian: the campaigns of Alexander : a new translation*. New York, 343 – 351.
- Rossos A.* 2008: *Macedonia and the Macedonians: a history*. Stanford.
- Sekunda N.* 2007: *Land forces // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 325 – 357.

- Starr C.G.* 1991: A History of the Ancient World. New York – Oxford.
- Thomas C.T.* 2007: Alexander the Great in his World. Oxford.
- Webber C.* 2001: The Thracians 700 BC – AD 46. Oxford.
- Wees H. van* 2004: Greek Warfare: Myths and Realities. London.
- Wheeler E.L.* 2007: Land battles // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 186 – 223.
- Worthington J.* 2008: Philip II of Macedonia. New Haven – London.